

Круглый стол «Человек в обществе рисков»

А.Г. Асмолов

Сегодня у нас круглый стол «Человек в обществе рисков». Этот круглый стол связан с тем, что вчера, 14 февраля, в День влюблённых стартовал V психологический съезд. На нем собрались психологи со всех регионов страны: от Камчатки и до Европейских границ России. Более 2000 психологов в главном здании МГУ обсуждают перспективы психологической науки и психологической практики. Подобного рода обсуждение всегда связано с вопросом своеобразного отношения и сложного отношения к таким вопросам как психология и практика психологическая в нашем обществе. Что такое психология сегодня? Может ли психология как наука конструировать реальность? Почему многие политики обращаются с вопросами к психологу? Несколько лет назад один из политиков, который претендовал на пост президента России, обратился ко мне с вопросом, который до сих пор стоит у меня в сознании. Он сказал: «Скажите, пожалуйста, не можете ли Вы мне сделать харизму под лидера?». Я обращаю внимание именно на этот вопрос, хотя говорилось не только об этом. Я говорю о том, что к психологам наша культура, наше общество предъявляет самые разные ожидания. И психология сегодня везде. Психология, в буквальном смысле, начинается с того, как человек появляется в мире – психология дошкольного возраста. Сегодня уникальное направление, когда в культуре начинает преобладать один из важнейших идеалов – идеал безопасности. Психология безопасности как одна из серьёзнейших направлений, наряду с этим психология развития, психология толерантности, психология поведения человека в ситуации риска – все эти направления сегодня как никогда становятся важными. Еще одно из этих направлений называется лаконично и ёмко: психология Интернета. Что за ней стоит? За ней стоит то, что реальности во-круг и миры размножились. Мы стали, в буквальном смысле, реальностью видеть несколько миров и это порой и не снилось многим фантастам. Иными словами:

- 1) сегодня изменился статус психологии в обществе, психология стала дугой, она стала востребованной, а иногда и избыточно востребованной;
- 2) сегодня психология стала массовой профессией.

И в буквальном смысле слова перед нами выигрыши этой ситуации и риски этой ситуации. От того, что мы стали массовой, не утратим ли мы главное? То, без чего психолога нет, к какой бы школе он не принадлежал: школе психоанализа – школе великого Фрейда, школе Л.С. Выготского, школе замечательных психологов Петербурга Б.Г. Ананьева и т. д. Какой бы школе психолог не принадлежал, какого бы направления не придерживался, главное – он должен быть профессионалом. И на слове профессионал я делаю уникальный акцент. Сегодня здесь присутствуют те, кто, в буквальном смысле, определяют дальнейшие пути развития психологии. Я с удовольствием представляю, хотя и у Вас написаны все имена, но иногда, по закону психологии, лучше услышать имя и как его произносишь. Рядом со мной президент Российского общества психологов, декан факультета психологии МГУ член-корреспондент Российской Академии образования Юрий Зинченко. Если простите, я буду представлять в нашем обычном разговорном жанре по именам.

Двигаюсь далее! Рядом со мной первый вице-президент Российского общества, один из руководителей Санкт-Петербургского университета, проректор Санкт-Петербургского университета, известный специалист в области психологии – Лариса Цветкова. И потом, по законам джентельменского жанра, рядом с Юрием Зинченко – Юлия Шойгу, которая ведёт службу психологии безопасности в МЧС, одну из самых сложных и, говорю это со сложным оттенком, увы, невероятно востребованных видов деятельности. Далее Виталий Рубцов – академик Российской академии образования, директор психологического института Российской академии образования, ректор московского психолого-педагогического университета, один из представителей школы Л.С. Выготского. Далее... Эдуард Галажинский – академик Российской академии образования, декан факультета психологии томского университета. А напоминаю всем, что Томск – это город университетов, где каждый четвертый человек – студент, и там Эдуард Галажинский развивает и ведёт направление наших сибирских коллег в области психологии. Но, раз я сказал о Сибири, то я перескакиваю с Сибири на Юг, передо мной наш коллега, декан Южного федерального университета, академик Российской академии образования, мастер в области толерантности, заодно и карате – Павел Ермаков. Итак, я представил всех, дорогие мои коллеги. И хочу дать слово президенту общества психологов Юрию Зинченко.

Ю.П. Зинченко

Спасибо за то, что вы сегодня собрались. Психологи не так часто устраивают информационные форумы. И может быть, с одной стороны, это хорошо – значит все спокойно, с другой – это большой минус для самой корпорации потому, что не всегда есть возможность рассказать о наболевшем, а также поделиться своими соображениями. Вчера начал работу съезд. Действительно, такое количество психологов у нас давно не собиралось вместе, и в таком количестве, как в данном виде. В МГУ было принято очень важное решение и, кроме того, что, как всегда, съезд сопровождается скучными организационными решениями и уточнениями в каких-то документах, были приняты принципиальные решения.

Была принята новая редакция этического кодекса российского психолога – это тот документ, который внутри корпоративно закрепляет систему отношений между психологом и клиентом, который к нему обращается, также это не просто некий документ, определяющий порядок, ответственность и так далее. Это своего рода такой общественный договор между корпорацией психологов, между российским психологическим обществом и нашим социумом. Вопрос идёт о том, что корпорация берет на себя ответственность за тех психологов, которые практикуют и оказывают определенные услуги. Для всех не секрет: сейчас берёшь журнал, открываешь рекламную страничку – приворожу, психоанализ и консультирование в одном флаконе в одном телефоне. Вот этого, наверное, быть не должно.

Мы не против того, чтобы существовали альтернативные или нетрадиционные формы взаимодействия – это должно быть на совести тех, кто этим занимается. Но они, по крайней мере, должны быть отдельно, а мы отдельно. Сейчас четко прослеживается тенденция – нужно отделить, где здесь психология, а где что-то, что только называется психологией, и на этом делаются деньги и т. д.

Поэтому кодекс, с одной стороны, закрепляет эти отношения и степень ответственности, а также систему санкций и мультикорпоративной ответственности психолога. Отсюда вытекает вопрос о необходимости создания национального реестра психологов, который будет вывешен на сайте РПО. Через какое-то время те, кто пройдут сертификацию практической деятельности, будут там обозначены. Сертификация носит добровольный характер, т. е. это не есть опять какой-то орган, в который пришёл, заплатил 1000 рублей или других у.е. и получил свою строчку в национальном регистре. Речь идёт о том, что это добровольная сертификация собственных компетенций по отношению к индивидуальной практической деятельности. Когда спор заходит о какой-то организации: системе здравоохранения, системе социальной защиты, он работает внутри организации, есть система аттестации этих кадров. Когда я работаю индивидуально как психолог, то степень моей ответственности должна быть отражена в нашем сообществе, и непосредственно на сайте он будет включен в этот регистр. Это соответствует общеевропейской тенденции, потому что сейчас в Европе создается единый психологический регистр практикующих психологов. Те требования, которые там есть, мы тоже адаптировали к нашей российской действительности. И те, кто будет соответствовать этим требованиям, эта часть национального регистра – она также будет доступна для всего европейского пространства. Впервые через европейскую ассоциацию психологических ассоциаций мы добились того, что наши текущие психологи при выполнении текущих требований и необходимых условий с их компетенциями в принципе могут осуществлять свою деятельность на территории Совета союза наравне с научными психологами. Мы, наверное, ничуть не хуже готовим психологов, чем Франция, Германия и уж тем более Япония. Поэтому здесь мы приросли к общеевропейскому дому практической психологии.

С другой стороны, большой вопрос со стороны общества и родителей по отношению к факультетам и к вузам, где сейчас пойти учиться на психолога? Сейчас в стране более 400 факультетов и вузов, которые готовят психологов, это, наверно, немало, если не сказать, что слишком много. Поэтому здесь необходим рейтинг факультетов, рейтинг вузов, где родители и абитуриенты могут честно посмотреть, что есть вузы, которые могут обеспечить и реализовать подготовку по программе специалистов. Я знаю, что бакалавров и магистров психологии существует три специальности: 5,5 лет федеральный стандарт подготовка по клинической психологии и в течение 5 лет идет подготовка психологов по другим направлениям. И при этом сохраняется бакалавриат и магистратура. Так вот, рейтинг должен ответить на вопрос: если я хочу получить психологическое образование, то оно, наверно, различается в этих 400 вузах? Это мягкий рейтинг, и не значит, что МГУ – первый, Питер – второй и т.д. Задача не в этом, задача в том, чтобы честно ответить родителям и абитуриентам, где можно получить качественное психологическое образование, какие вузы готовы по подготовке специалистов/магистров, какие по подготовке только бакалавров, а какие для этого не очень бывают и готовы. Потому что дипломатичная часть – написать учебный план в соответствии со стандартом, особого труда не составляет, поэтому здесь мы должны быть честны перед нашим обществом. Ну и отсюда вытекает, собственно, необходимость создания и реализации закона «О психологической помощи в РФ». Похожий

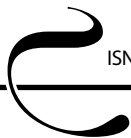
закон у нас есть – «О психиатрической помощи РФ», есть закон «О здравоохранении», который тоже частично затрагивает нашу систему клинических психологов, а закон «О психологической помощи» нам нужен потому, что нужно четко прописать границы ответственности и прав наших практикующих психологов и вообще психологии. Мы прекрасно понимаем, что это достаточно мощный инструмент и возникающие ситуации, когда после приёма психолога, после встречи с психоконсультантом, у клиента случается суицидальная или какая-то другая потребность. Кто в этой ситуации отвечает, прав ли был психолог, все ли было сделано, был ли он психологом-специалистом, и вообще, как рассматривать эту ситуацию? У врачей, которые свою сферу деятельности организуют с участием большого количества пациентов, тоже можно найти какие-то недоработки, но достаточно хорошо прописаны. У психологов это пока остается «белым пятном», поэтому сами психологи выступают с инициативой, чтобы был такой закон, который регулировал эти отношения, как внутри психологической корпорации, так и наши отношения с клиентами. И все эти вопросы обсуждались на съезде, на съезде тоже была принята клятва психологов, теперь по окончании вуза наши студенты, как студенты медицинских вузов, будут давать клятву российского психолога, которая пока выглядит в какой-то такой ритуальной форме. В дальнейшей работе мы тоже будем приближать ее к тем моральным принципам, о которых мы говорим в нашем сообществе. Степень причастности, не только наличие диплома, своего рода такое присоединение к общественному договору и возложение на себя обязанности и ответственности. Было много и других вопросов, но, пожалуй, я передам слово другим нашим коллегам. Спасибо за внимание.

А.Г. Асмолов

Дорогие коллеги, построим наше общение следующим образом. Мои коллеги далее кратко выскажут свои позиции. А потом мы перейдем к тем вопросам, которые возникли, как в вашем сознании, так и в вашем бессознательном.

Л.А. Цветкова

Я продолжу то, что сказал Юрий Петрович. Я хочу сказать то, что важно выстраивать отношения между нашим профессиональным сообществом и ближайшими другими, например, между журналистами, почему бы и нет? Поскольку они доносят до потребителей некоторые возможности и ограничения, связанные с любой профессией, в том числе и с профессией психолога. Психолог не маг и не целитель. Никогда психолог не сможет изменить мир к лучшему за одно посещение за указанную сумму. Поэтому в этом смысле ответственность любой профессии и профессии журналиста составляет в точности передачи фактов и возможно не всегда в их интерпретации. Мы часто встречались с бессознательным искажением информации. Это приводит к неточности восприятия информации и к размыванию границ возможностей и ограничений в деятельности психолога. Профессиональное сообщество само стремиться их поставить, и мне кажется, может быть и сейчас ещё не до конца используются прогностические способности психологии, потому что в любой профессии лечить сложнее, чем предотвратить. Дешевле, во всяком случае, заниматься превенцией, чем лечением. При этом любое превентивное вмешательство должно строиться профессионально. Зачастую, и с чем мы сталкиваемся особенно

в начале перестройки, берут западную программу и прививают её у нас – результата никакого. Почему? Потому что любому вмешательству должно предшествовать научное исследование. Научное профессиональное сообщество стоит на позиции исключительно научного обращения ко всему. Практике должна предшествовать научно обоснованная исследовательская программа. Ведь уже начали говорить о том, какие риски могут быть у клиентов. Например, в рамках исследовательских проектов во всех крупных ведущих университетах существуют этические комитеты, которые рассматривают и план исследований, и информирование согласия, которые квалифицированный психолог и исследователь должен подписать с участниками исследований. Здесь как раз и оговариваются риски, и квалифицированный и ответственный психолог всегда может оказывать сопровождение, особенно когда речь идёт об исследовании сложных групп населения и групп риска, где и так повышен риск. Потому что, когда, например, проводят исследования на детях, не оказывая поддержки и сопровождения ни детей, ни родителей, мы сталкиваемся с другими рисками; когда журналисты, информируя о чем-то, говорят о жертвах, делая акцент на этом, может быть неосознанно, не понимая, что за этим стоит. В этой связи как раз те профессии, в которых есть повышенная ответственность перед обществом и человеком, говоря об этическом кодексе и об этических комитетах, которые предшествуют и в которых рассматриваются все проекты, направленные на изучение людей и даже животных с испытаниями, должны это знать полностью.

А.Г. Асмолов

Сегодня оговаривалась задача психолога, связанная с психологией развития, социальной психологией детства, с психологическим обоснованием стандартов школьного образования. Я с удовольствием передаю слово Виталию Рубцову.

В.В. Рубцов

Дорогой Александр Григорьевич, дорогие коллеги, мне кажется, что отличительная черта нынешнего съезда заключается в том, что впервые так системно показана связь психологии с разными отраслями и направлениями из социальной практики. И сейчас мы уже говорим: «Психология и образование». То есть психология и образование означает, что психолог, который действует в системе образования, тоже становится полноценным участником команды, который работает с нашими детьми и с нашим детством. И в чем сейчас особенность этой работы, в частности работы психологов нашего психологического института, университета, МГУ? Первая особенность связана с тем, что дети у нас очень изменились. У них изменилось то, что называется высшими психологическими функциями. Дети по-другому мыслят, у детей другие формы воли, внимания, памяти, и это все должно учитываться в образовательном процессе. Как это происходит и что там делает психолог? Для нас очень важным и знаковым событием явилось утверждение разработки и создания стандарта общего образования, начального образования, например. Это сейчас наиболее проработанный материал. В чем особенность этого стандарта? Во-первых, он сделан не просто с участием психологов, а на базе современной научной психологической теории, это деятельностный подход и культурно-историческая школа. Что это означает? Это означает, что ведущей формой работы с детьми становится деятельность ребенка со взрослым, учителя

с детьми и детей между собой. У детей происходит как бы фокусная переорганизация компетенций. Наряду с тем, что они должны хорошо знать свой предмет, у них должны быть так называемые метапредметные компетенции и личностный образовательный результат. Это из стандарта. А вот что это такое в жизни? Это значит, что в жизни оцениваются уже такие результаты: например, как может сам ребенок отвечать за постановку задач, за умение общаться с другим, понимать друг друга, т. е. целый спектр таких умений и способов, которые не так-то и просто сделать. И поэтому мы сегодня говорим уже не просто о школьном психологе, который оценивает то, что происходит с этим ребенком. Он начинает входить в саму образовательную ситуацию. Он начинает делать то, что прописано и закреплено в самом стандарте: психолого-педагогически сопровождать учебный процесс. Во-первых, он начинает участвовать в этом процессе, во-вторых, сам учитель должен получать другую психологическую подготовку. И этот вопрос очень важен. И дальше происходит вот что. Стандарт закладывает индивидуальный характер работы с детьми, т. е. можно прорабатывать эти траектории. Как делать это будущему учителю? Соответственно должен измениться стандарт подготовки учителя. Без учителя, который становится центральной фигурой образовательного процесса, такой стандарт не вытянем. И вот был построен стандарт по направлению психолого-педагогического образования, который включил такие профили, как психология и педагогика образования, например, одарённых детей, психология и педагогика образования детей с ограниченными возможностями, т. е. сам стандарт предусматривает организацию таких учебных деятельностных ситуаций, которые идут за ребенком. Детоцентричность, которая была заложена в стандарте общего образования, содержательно отразилась и в стандарте психолого-педагогического образования будущих педагогов и будущих психологов, которые придут в образовательный процесс. Я хочу сказать, что это пример того, как разные области социальной практики включают психолога как необходимого участника этих ситуаций. Поменялось время, и поменялся функционал психологической работы. Из наблюдателя и сопровождающего психолог становится активным участником таких ситуаций. Смотрите, как интересно получается. Мы выходим на абсолютно другой уровень. А как эти результаты изучить? Есть очень большое направление в современной науке, например, где результаты деятельности учителя оцениваются по результатам, которые достигают ученики. Это совершенно новая характеристика оценки работы педагога. Сформулирую точку зрения, которую я хочу сказать. Если мы говорим «психология и образование», то говорим о принципиально другой форме работы учителя и психолога. Она возникает из-за того, что меняются требования к самому учебно-воспитательному процессу, процессу обучения. Суть этих требований заключается в том, что ориентация происходит на ребенка, на его возможности и склонности. И тогда форма работы с ним индивидуализируется. И тогда ребенок, включающийся в образовательный процесс, становится главной фигурой самого этого процесса. Это и одаренный ребенок, и ребенок с особыми потребностями, и ребенок с особыми интересами. И педагог, и психолог должны прорабатывать этот процесс. Возникает новый функционал психологической работы, который наряду с общепринятой диагностикой и общепринятой консультацией ставит психолога образования

в середину этой ситуации. Это крайне важный момент, который прямо, как учили наши учителя, вытекает из закономерности психологии развития. И наша замечательная отечественная психология развития, созданная нашими замечательными психодидактами: Элькониним, Давыдовым, Гальпериним, – сейчас заработала, и новая школа её ждет. В этом и есть новизна школы – школа, ориентированная на детство. И тогда психология развития здесь станет занимать, можно сказать, ведущую роль.

А.Г. Асмолов

Ещё раз обращаю внимание на название нашей встречи: «Человек в обществе рисков». Буквально лет 20 назад известный западный социолог выпустил книгу «Общество риска». Этот конструкт относится и к Европе, и к России, и к Штатам. Он относится к современной цивилизации, увы, в целом. В нашей исторической памяти сохранился Беслан. И в то время возникла записка, направленная президенту России Путину, где предлагалось создать особое направление – психологию катастроф. Сегодня эти мысли звучат с не меньшей, если не большей силой. И сегодня психолог, который является психологом чрезвычайной ситуации, стараясь помочь, берет на себя грузы человеческого горя. Я прошу директора центра экстренной психологической помощи МЧС поделиться своими позициями.

Ю.С. Шойгу

Добрый день, уважаемые коллеги! Я являюсь руководителем психологической службы МЧС РФ. Службе нашей 13 лет и за это время была создана эффективная система, эффективная прикладная область, которая позволяет в максимально короткие сроки помочь тем людям, которые пострадали от катастроф. Тематика нашей сегодняшней встречи посвящена V съезду Российского психологического общества, ну а в российском обществе я представляю блок психологических служб силовых ведомств. Поэтому позволяю сказать несколько слов о тех конкретных результатах, которые, как мне кажется, были важными в рамках нашей вчерашней работы, в рамках вчерашней работы съезда. Первое и самое главное, мне кажется, что профессиональное психологическое сообщество стало занимать активную позицию, прежде всего, в вопросах качества подготовки тех практических специалистов, которые работают в силовых ведомствах, в школах и других учреждениях. Мне кажется этот вопрос крайне важен и очень отраднo, что наше профессиональное сообщество занимает активную позицию в решении этих вопросов для того, чтобы, с одной стороны, обеспечить качество специалистов, а на настоящий момент единственным гарантом качества является некая личная профессиональная ответственность и порядочность специалистов, а с другой – создать ему условия для свободного ориентирования в разнообразии методических материалов, диагностического и коррекционного инструментария. Это является крайне большой проблемой. В настоящий момент очень много и диагностических и коррекционных методик. Они в большом ассортименте представлены на современном рынке, однако у конкретного практического специалиста, который работает с конкретными людьми, нет ни одного критерия для того, чтобы оценить насколько хороша и научно обоснована эта методика и можем ли мы её применить. Вчера эти вопросы достаточно серьезно обсуждались в рамках работы съезда. Поэтому, мне кажется, они актуальны и являются отражением достаточно новой,

практической, активной позиции профессионального сообщества. С этим связаны вопросы и сертификации специалистов, и создания реестров, и многое из того, о чём говорили мои коллеги, позволю себе не повторяться. Ещё один конкретный результат, который мне кажется крайне важным, – результат, связанный с тем, что психологи силовых структур теперь войдут в Российское психологическое общество в качестве коллективного члена. Таких психологов силовых ведомств в настоящий момент довольно много. Их число составляет более 10 000, если считать по всем ведомствам страны. Это достаточно большое профессиональное сообщество, которое имеет свои специфические условия деятельности, характеристики этой профессиональной деятельности. В заключение хотелось бы выразить благодарность своим коллегам за вчерашний день работы. Спасибо вам за это, я получила искреннее удовольствие.

А.Г. Асмолов

Наряду с психологией безопасности сегодня всё более ярко звучит психология инноваций. По большому счёту, когда мы с вами живём не только в «обществе рисков», но и в «обществе знаний», в креативном обществе, или мечтаем, что бы оно появилось, стоят ключевые вопросы: как мотивировать к инновациям, как сделать так, чтобы наша страна не была слепым придатком? Передаю слово автору книги «О мотивации инновационного поведения» Эдуарду Галажинскому.

Э.В. Галажинский

Спасибо, Александр Григорьевич! Добрый день, уважаемые коллеги! Я бы тоже хотел зафиксировать, что на самом деле сегодня меняется статус психологии в обществе и в науках о человеке. Мы все явно переживаем смену технологических укладов. Мы сегодня говорим о постиндустриальном обществе, об экономике знаний, информационном обществе. Но смысл один – меняется движущая сила базовой экономики. И этой движущей силой становится человек с его способностью к творчеству, способностью выходить за пределы, способностью производить нововведения. И, по сути, сегодня производство нововведений – это базовая характеристика успешного уклада. Так, встает вопрос, если человек – движущая сила любой экономики (не случайно сегодня все государства вступили в гонку за построение новых образовательных систем: и Китай, и Индия, и Штаты), какого качества должен быть этот капитал. Могут ли умные стать богатыми? Да, это проблема нашей экономики. Я хотел бы зафиксировать этот важный тезис. Сегодня особенности мышления и мотивации геоэкономические. Потенциал определяет богатство нации. И исследования показывают, и здесь роль психологии чрезвычайно важна и недооценена, что росту патентной активности, росту энергопотребления однозначно предшествует повышение мотивации достижений. В психологии есть такой термин – мотивация достижений, т. е. либо ребёнок стремится чего-то достичь, либо он стремится избежать неудачи, не идёт к новому, стремится занять охранительную позицию. И однозначно эта связь показывает, что если в сказках, например в какой-то культуре, этот мотив достижений наращивается, то в течение 20 лет наблюдается колоссальный приток патентов, инновационной активности, повышение коэффициента интеллекта в среднем на 10 баллов, чуть ли не удвоение ВВП. В этом смысле, на что я хотел обратить внимание, до сих пор осознанное формирование таких инновационных стратегий не являлось

предметом ни образования, ни психологии. Такие люди, условно назовём их Биллы Гейтсы, вызревали в культуре, проходя все испытания, ломались. Все успешные люди очень похожи, похожи своими психологическими ресурсами, они верят в свои силы, верят в мотивацию достижения, они высоко, толерантно относятся к неопределённости. Их не страшит неопределённость, они воспринимают её как вызов и делают шаг. Эти вещи формируются при жизни, это когнитивные ресурсы, эти вещи мы должны формировать в системе образования сегодня. Мы занимаемся этим и это стоит за понятием инновационная личность. И мы глубоко убеждены, что в старых образовательных средах нельзя сформировать таких людей, нужно проектировать совершенно новую образовательную систему. Это один важный тезис. И сегодня мы говорим о разработке высоких гуманитарных технологий, как некоторой альтернативы технократии. Понятно, технологическое отставание в России нужно преодолевать. Но разрабатывать технологии сообразные с природой становления человеческого в человеке – это и есть перспектива завтрашнего дня и главнейшая задача. Потому что ни одна, а точнее очень многие инициативы споткнулись о ментальные барьеры и неготовность людей измениться. И второй важный тезис, который мы тоже недооцениваем. Сегодня формируется целая смежная область. Это так называемые когнитивные науки, когнитивная психология. Это, по сути, междисциплинарная область знаний, где идёт работа, в некотором смысле, даже над изменением самой природы человека. Да, появляются биопротезы управляемые напрямую из мозга, ведутся исследования генетических и средовых факторов способностей в обучении, т.е. в ближайшее время мы получим уникальные технологии, способствующие механизированному обучению, и в этом смысле сегодня психология также играет активную роль, и исследования в этой области обнадеживают. Спасибо.

А.Г. Асмолов

Спасибо Эдуарду! Несколько лет назад восприятие удивила одна небольшая программа, программа обучения, точнее психологического тренинга, которая называлась «Тренинг толерантности для отрядов ОМОН». Обращаю ваше внимание на название этой программы. Наряду с психологией детства, психологией безопасности, психологией инноваций, сегодня о себе ярко заявляет особое направление – психология толерантности, психология, занимающаяся рисками ксенофобского поведения, ксенофобиями, которые могут разорвать нашу страну. Это направление достаточно серьезно сегодня представлено во многих психологических исследованиях. Одним из лидеров этого направления является Павел Ермаков. Пожалуйста.

П.Н. Ермаков

Спасибо, Александр Григорьевич! Добрый день коллеги! Я хотел бы начать с того, каков классический образ психолога в обществе? Наверное, тот, который сформирован по западным фильмам. В основном это человек, сидящий в кресле, рядом кушетка, на которой лежит, закинув руки за голову, кто-то и рассуждает о своей жизни, а психолог спрашивает о тех проблемах, которые есть у этого человека. Это такое расхожее мнение. Кто психолог? Кто?! Он идеолог, который навязывает свой образ мышления или образ мышления общества или какой-то определенной группы общества, или он помогает человеку понять, понять свою идентичность, понять

свои личностные особенности, понять, что он есть в этом мире и что он есть в этом обществе? То, что стараемся делать мы сейчас и те ведущие факультеты психологии по подготовке психологов – ориентироваться по новым стандартам на эту вторую модель. Это человек, который помогает другому осознать себя и осознать, что есть этот человек. Для нас, для поликультурного, поликонфессионального, полиэтнического государства очень важно то, о чем сказал Александр Григорьевич, – понятие того, как нам жить в российском многополярном обществе, как мы соотносимся друг к другу, как мы уважаем обычаи, традиции и нравы других, как мы относимся к верованиям других людей, и как эти другие люди относятся к нашим традициям. Я смотрю сейчас на бегущую строку, где в прошлом году по данным главы ФСБ было уничтожено около 50 глав бандформирований. Так вот, я вам скажу, что это верхушка айсберга, а сам айсберг остаётся. Порядка 300 человек, молодых людей ежегодно рекрутируются в бандформирования юга России. Не все из них доходят до автомата. Но большая часть, поверьте мне, я говорю это со знанием дела, действительно, доходит до оружия. И это уже страшно. Почему, почему молодёжь, в том числе и студенческая молодёжь? Помните взрыв возле гостиницы «Националь» двух чеченских девушек? Вы извините, обе окончили педагогические университеты. Обе с высшим образованием. Одна работала учительницей. Почему? Что способствует? Разные причины. Не надо выдавать какие-то свои личностные проблемы за то, что это служит главным толчком. Поэтому должно быть воспитание, развитие толерантных отношений. Толерантных – не значит всепрощающих и всепонимающих, когда вас бьют по одной щеке, подставляйте другую. Ничего подобного. Толерантность означает лишь всё то, что должно быть в нормальном человеческом обществе. Это уважение прав и свобод другого человека. Уважение прав и свобод другой этнической принадлежности, другой конфессиональной принадлежности. Конечно, трудностей достаточно много, и никуда мы не денемся. Иногда и вы влияете, о чем мы уже говорили здесь. Влияете больше на сознание, подсознание и идеологию людей, чем профессионалы, чем психологи. Но, тем не менее, этот аспект противодействия идеологии экстремизма, противодействия идеологии терроризма – это одна из важнейших задач современной психологической науки и практики. Это то, что сегодня является востребованным, где бы психолог ни работал. Юлия Сергеевна говорила о психологах МЧС, которые делают очень большую работу, огромную работу. Они первые на рубеже человеческого горя. Первые, но это скорая помощь. А что потом с этими людьми? Кто ими занимается? Как они дальше преодолевают всё то, что случилось в какой-то определённый, конкретный момент? Это остаётся за кадром. А это практические психологи, люди, которые и должны были бы вести, вообще-то говоря, по жизни многих из нас. Спасибо.

А.Г. Асмолов

Дорогие коллеги, мы обозначили здесь некоторые направления в палитре современных психологических вопросов, связанных с новыми практиками в психологии, новыми психотехнологиями. И мы могли бы говорить до бесконечности, но психологи не хотят быть похожими на зануд. Как вы помните зануда – это человек, который, когда у него спрашивают: «Как дела?», действительно начинает

рассказывать, как у него дела. Вот в этих ситуациях мы ждём от вас вопросов. Пожалуйста, представляйтесь если не трудно.

И. Смирнова, журнал «Кадровый менеджмент»

Александр Григорьевич, у меня первый вопрос к Вам по поводу психологии личности. Общество стремится к инновациям. Много новых технологий стало доступно. Как это влияет на личность? Мы знаем, что сейчас работают над созданием искусственного интеллекта. А также Интернет. Перед людьми открываются все возможные перспективы, но психология личности – это самый неустойчивый инструмент, им очень легко манипулировать. И сейчас мы видим, что блоги, многие сайты проводят исследования и говорят, что самая перспективная и высокооплачиваемая работа в ближайшее время – это будет профессия блогера, а он, собственно, ничего не производит, ничего такого ценного для общества не может предложить. Но он становится трибуном. И как психология может здесь помочь расставить все точки над «i», какую пользу обществу может принести в этом вопросе? Спасибо.

А.Г. Асмолов

Вы задали вопрос, прямо относящийся к фокусу нашего сегодняшнего общения: «Личность в обществе риска». Ситуация заключается в том, как сказал один из моих коллег, что «диагноз» человека XXI в. звучит несколько парадоксально: «Психологически здоров и личностно болен». Обратите внимание на эти слова. С памятью – нормально, с мышлением – превосходно. Но с личностью происходит дезориентация. С личностью происходит потеря себя. И как сказал великий психолог Виктор Франкл: «Человек находится постоянно в поисках смысла». В этой ситуации нарастание виртуальной реальности, непобедимой виртуальной реальности, ставит огромные вопросы и вызовы. Появилось понятие виртуальной идентичности. Появились понятия множественных виртуальных идентичностей. Здесь забывают, что в виртуальном мире выступает и нарастает потеря ответственности. Вот это очень серьёзно. И когда ребёнка, которому 5–6 лет, спрашиваешь, как он решит задачу, он отвечает: «Это смотря какое у меня будет оружие, и сколько у меня будет жизней». Я цитирую буквально ответ по поводу решения задачи. В связи с этим и в области менеджмента и во многих других областях мы думаем о том, что очень чётко должна работать антиманипуляционная программа, чтобы нами нельзя было манипулировать, чтобы мы не были марионетками. Кредо, разрабатываемое нами в психологии личности, передаётся словами: индивидуумами рождаются, личностью становятся, индивидуальность отстаивают. Если человек превратится в человека, живущего по формуле «Что изволите?», если он будет конформистом, автоматическим конформистом, говоря языком Фромма, то будет очень тяжёлая ситуация. Мы потеряем то креативное, гражданское общество, к которому стремимся. В связи с этим разрабатывается целый ряд уникальных программ, связанных с психологией личности. Перебрасывая мозг к тому, что говорил Павел Ермаков, мы разрабатываем на факультете психологии программу психологии переговоров. И что, блогеры сегодня стали переговорщиками?! Обратите внимание. Но одновременно хочу обратить внимание на стилистику поведения ряда блогеров. Она

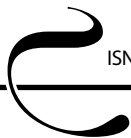
носит характер экспрессивной стилистики. Когда некоторые блогеры выступают на площадях, я смотрю на них, и они двоятся в моём лице, при уважении к ним. И я вспоминаю Кашпировского, который говорит: «Даю установку!». Толпа, которая в Интернете называется «умная толпа», может быть и умная, но её поведение – это поведение с совершенно разными логиками и линиями. И психология готова к этому. Неслучайно, буквально сейчас проходит симпозиум или круглый стол психологии Интернета. Он идёт буквально сейчас на факультете и будет продолжаться в эти дни. Поэтому ещё раз говорю, что психология Интернета – серьёзное направление. А что касается журналистов, то у нас была статья: «Конкуренция между журналистами в блогах, журналистами-блогерами, и профессиональными журналистами». Эта линия у нас тоже была обозначена.

Е. Иваницкая, педагогическая газета «Первое сентября»

У меня вопрос всё-таки к Павлу Николаевичу, а может быть и к Александру Григорьевичу. Я сейчас назову некую группу нашего общества, к которой, между нами говоря, здесь принадлежит большинство из нас. Между тем, эта группа обозначается таким словом, которое даже произносить неприлично, которое находится в загоне. И когда я это слово назову, то все начнут заминаться. Одним словом, я говорю об атеистах. У нас в обществе толерантность, толерантность многоконфессиональная. Но не буду тут вдаваться в подробности. У нас общество не верующее, которое, тем не менее, приплясывает и шаркает, что оно ужасно верующее. Потому что признаваться в атеизме нельзя.

А.Г. Асмолов

Я сейчас передам слово Павлу Николаевичу. Но я вспоминаю ситуацию, когда одному из замечательных лидеров нашей страны, Егору Гайдару, которого, к сожалению, уже с нами нет, задали вопрос: «Скажите, пожалуйста, вы атеист?» И он отреагировал журналистам замечательным ответом, после которого они молчали. «Я – агностик», – ответил он. Я обращаю внимание на эту ситуацию. Есть разное самосознание этих вещей. Я, в частности, отвечаю за программу религии в школе по одной из линий. Вместе с тем, вслед за Вольтером, который ввёл понятие толерантность и который, как вы знаете, не представлял ту или иную конфессию, хочу сказать, что толерантность намного шире, чем та или иная конфессиональность. Это и межэтнические проблемы, и межконфессиональные проблемы. И знаете, есть мужество быть религиозным человеком, но не меньшее мужество – быть атеистом. И в этом смысле я напомним вам ещё один краткий диалог между Александром Менем, увы, ушедшим от нас, и Фазилем Искандером. Когда Мень обсуждал с Искандером проблему: атеист или не атеист, он сказал следующее: «Атеисту намного сложнее, чем мне. У меня есть опора на бога, а атеист должен принимать своё внутреннее решение, делая свой внутренний выбор, надеясь только на одного, надеясь на силу человека и веру в человека». Этот ответ Александра Мень, который как, вы знаете, был одним из ведущих деятелей нашей культуры, для меня является невероятно важным ответом. Поэтому отвечая тем, кто боится назвать себя атеистом, я говорю, что быть личностью, быть индивидуальностью всегда трудно. Атеизм сегодня стал выбором мировоззрения, а не навязанным мировоззрением. И это важное достижение гражданского общества.

П.Н. Ермаков

Коллеги, я думаю, что мы не общество атеистов. Мы – общество расслоившихся атеистов. На ком из вас крестики под рубашками, под одеждой? Это к вопросу об атеистах. Вот простой пример. Он мне близок. Я хорошо знаю эти факты. В Ставропольском крае согласно последней переписи 30 % населения исповедуют ислам. Возьмём мусульманские республики. Не беру Чечню, где выстроена самая большая мечеть, наверное, на федеральные деньги. Давайте возьмём Дагестан. В Дагестане порядка 2 тыс. мечетей. Вдумайтесь! Две тысячи мечетей! Из них около половины зарегистрированы, т. е. установлены в законном порядке, через административные органы, те, которые стоят на учёте. Что такое мечеть? Под мечетью школа? Обязательно. Под мечетью воскресная школа? Обязательно. Под мечетью люди, которые отправляются за рубеж учиться в высших учебных заведениях, исламских заведениях. Две тысячи только в Дагестане. Простой пример. Давайте возьмём православие. Посмотрим, что с православием. В Ростовской области – обратные цифры: 70 % населения относят себя к православным, примерно 15 % исповедует иудаизм, но для Ростовской области это нормальные цифры, и небольшая, но достаточно активная прослойка, порядка 10 %, мусульманского населения. Какие же мы атеисты? Кто-нибудь себя обозвал атеистом? Спросите у кого-нибудь из сидящих в зале или напрямую задайте вопрос кому-нибудь из нас.

Е. Иваницкая, педагогическая газета «Первое сентября»

Я – твёрдый, убеждённый, чёткий атеист. С возрастом давление я, естественно, становлюсь всё более жёстким. Кроме того, речь ведь идёт о тех самых опросах, которые проводит то тот, то этот центр. Помимо вопроса «Православные ли мы?» ответственные опросники через некоторое время задают вопрос «Верите ли вы в бога?» Православные – 70 %, а «Верите ли вы в бога» дальше выясняется, что...

А.Г. Асмолов

Простите, давайте будем переходить к другим вопросам. Я лишь кратко скажу следующее. Последний опрос, раз Вы заговорили об опросах, показал, что когда в России вводится курс «Основы религиозной культуры и светской этики», по всем регионам России родители (более 60 %) выбрали отдельно ислам, православие, иудаизм. То есть большее население родителей выбирает именно эту...

Е. Иваницкая, педагогическая газета «Первое сентября»

Это происходит из-за давления.

А.Г. Асмолов

Так наоборот! Без всякого давления! Коллеги, этот вопрос очень важен для нас. Пожалуйста, ещё вопросы.

И. Передерьева, газета «Рио»

Это прекрасно, что перед отечественными психологами стоят высокие задачи. Я хотела бы вас немного приблизить к земле. Потому что нам до этих высоких задач пока не допрыгнуть. У меня три вопроса. Во-первых, что такое Москва с точки зрения психолога? С точки зрения журналиста и коренного жителя Москвы – это скопление. Скопление не только народа, но и народов. И, соответственно, это проблема толерантности. С одной стороны, скопление народов требует от нас всех

приспосабливаться. Но уж от этого никуда не деться. С другой стороны, иногда сил нет. Вот, существует понятие границ толерантности. До какой степени можно терпеть? Это один вопрос. Во-вторых, модные журналы очень часто говорят: «У вас всё плохо? Купите помаду, и всё станет хорошо». Шоппинг – модное понятие. Вот, сходите – отвлекитесь. Есть ли рецепт, пилюли, которые помогли бы человеку в глубочайшей депрессии отвлечься, переключиться, перестать хотя бы думать о том, что мир рухнул, и ты в этом мире никто. И третий вопрос. Есть профессии, которые вырождаются. Допустим, водитель. Все умеют водить машину. Профессия, конечно, имеет право на существование, но все к ней причастны. Психологи сейчас тоже все. Каждый, к кому не обратиться, каждый даст совет. Где можно прочесть? Куда можно пойти поучиться такой прикладной психологии? Кому можно доверять? Вот три вопроса. Спасибо вам большое.

В.В. Рубцов

Я по первому вопросу хочу сказать, что можно обратиться к нам. У нас в университете есть кафедра этнопсихологии, где было проведено очень серьёзное исследование этнокультуры в Москве. Есть очень интересная «карта напряжённости в Москве». Показано, как это сделано по районам, по регионам, и что делается для того, чтобы снизить какие-то вещи через систему образования. Мы работаем с конкретными образовательными учреждениями. Это очень земные вещи. Мы ведь говорим про земные вещи. И с удовольствием мы Вам ответим на этот вопрос. Это что касается непосредственно Москвы.

П.Н. Ермаков

По этому вопросу я бы тоже хотел добавить несколько слов. Посмотрите, когда немцы несколько десятилетий назад стали приглашать к себе турецкое население, они рассчитывали, что западноевропейская культура всё как бы перемелет и всё будет едино. Что получилось? Получилось жесточайшее расслоение. В Москве, и данные, о которых говорит академик Рубцов, справедливы, всё действительно так. Идёт жесточайшее расслоение. В том числе этническое, конфессиональное. Когда в часы намаза на ул. Горького несколько тысяч человек достают коврики и исполняют то, что они исполняют, это как назвать? Отсюда то, чем мы занимаемся, и то, что надо делать.

А.Г. Асмолов

Недавно вышел огромный двухтомник, который так и называется «Пределы толерантности». Это абсолютно корректное понятие, которое показывает, что классическая толерантность должна быть выбором. И вот они беспределят. Это первое. Я не могу быть толерантным к фашистам, к тем, кто несёт заряд чело-векофобии. Это необходимо понимать. Правительство Москвы чётко выделило принцип, который называется «Принцип взаимной адаптации жителей Москвы и эмигрантов». И здесь принцип взаимной адаптации достаточно сложен. Такие программы, как в Москве, так и в России вырабатываются. Что же касается того, что каждый – психолог, тут не все согласны. Ф.М. Достоевский буквально кричал: «Не называйте меня психологом! Я реалист!» А по поводу практических психологов и где они готовятся, пожалуйста, Юрий Петрович.

Ю.П. Зинченко

Что касается практических психологов, мы их подготавливаем в ведущих вузах. Даже если вы не имеете базового психологического образования, после своего первого высшего образования можно поступить на программу дополнительного образования и за 4–5 лет получить образование психолога. С другой стороны, мы против такого подхода, который сейчас тоже возможен. Когда я могу четыре года проучиться на бакалавра в рыбном университете, при всей любви к рыбе, икре и т. д., потом поступить в магистратуру по клинической психологии в какой-нибудь вуз, в МГУ, например. Те, кто здесь сидят, могут сказать, что вряд ли ты поступишь. Но переходишь дорогу, идёшь в коммерческий вуз, сдаёшь документы, оплачиваешь обучение в одной кассе, а в другой кассе уже диплом получаешь. Мы против такой системы психологического образования, наверное, Вы нашу точку зрения разделяете. Поэтому эта двухступенчатость у психологов даже в Европе, равно как и у медиков, выделена в отдельную моноподготовку. То есть в Европе я должен в течение не менее пяти лет получать психологическое образование. Не просто получить степень бакалавра, а уже потом магистра психолога. Это и есть моноподготовка. И здесь мы отстаиваем эту систему. Что касается второго высшего образования, мы понимаем, что есть краткосрочные формы, краткосрочные курсы и т. д. Но это есть некоторая степень подготовленности в каких-то отдельных вопросах по психологии. Потому есть ещё и профессиональная готовность. Профессиональная готовность – это полноценное второе высшее психологическое образование, и оно должно быть не меньше пяти лет. Да, закон может быть так устроен, что оно платное, но, тем не менее, оно не должно быть пустым, ненастоящим, жульническим. Мы говорили о том, к кому обратиться? Необходимо будет досоздать этот национальный регистр или реестр психологов.

И. Передерзева, газета «Руо»

Я ещё чуть-чуть добавлю. Просто мне казалось, что я говорила, что как раз против того, чтобы поддерживать людей, издающих книжки «Сам себе психолог». В вопросе прозвучало: куда пойти, если депрессия? Депрессия – это медицинский диагноз. Его может поставить только врач. Не надо самому себе ставить диагноз и читать эту книжку. Это изначально неправильный подход, то, о чем говорил Юрий Петрович. Это называется «интегрированный магистр». Нельзя получить образование бакалавра в одном вузе и строить себе идеальные и иллюзорные планы, будто можно за два года стать клиническим психологом и вести психотерапевтический приём. Мне казалось, что наш пафос вчерашнего дня и то, что Вы говорили о сертификации, связано как раз именно с этим. Сейчас, к сожалению, государственная политика такова, что она переложила ответственность за качество услуг на профессиональные сообщества. Это относится не только к психологам, но и к ряду других профессиональных сообществ, но и к психологам в том числе. И мы взяли на себя ответственность начать такую работу – создать этот реестр профессиональных психологов. Это важно с двух сторон. С одной стороны, это делается для того, чтобы обезопасить профессиональное сообщество. Мы гарантируем и знаем этих конкретных людей. Но и потребители этих услуг знают, по какому вопросу и к кому обращаться. И вот ещё такая моя рекомендация: всё-таки не ставить самим

себе диагнозы, не читать простых книжек, выйти из этого иллюзорного представления, что психология – очень простая вещь и можно скомпилировать какие-то методики, чтобы что-то получить. Нет. Этому действительно учатся очень долго. Шесть лет как минимум. Надо это понимать и именно эту идею привносить. Тогда не будет проблем ни у профессионального сообщества, ни у потребителей услуг.

П.Н. Ермаков

Насчёт пилуль, которые необходимо принимать. Чем это заканчивается? Обычно алкоголизмом и наркоманией.

А.Г. Асмолов

Дорогие коллеги, бывает ситуация золушки, когда говорят: «Ваше время истекло». Мы сейчас уже приближаемся к этой ситуации. Осталось четыре минуты. И если у кого-то есть вопрос, который он не может не задать, чтобы не стать невротиком, пожалуйста. Потому что вытесненный вопрос приводит к неврозу.

А. Пузова, «Русские новости»

Я как-то познакомилась в молодёжной тусовке с молодой девушкой, ей было года 24–25. Она говорит: «Я работаю психологом». То есть получила профессиональное образование, то, о чём мы говорим. Вот что меня удивило. Она говорит: «Я вот так сейчас одета, в фиолетовых колготках, хвостики завязаны, но на работу я хожу в очках, в строгом чёрном костюме, у меня фотография – якобы я замужем». Говорит: «На работе мы создаём имидж семейной, серьёзной женщины, у которой всё чудесно, всё прекрасно. Чтобы тот человек, который приходит за помощью, видел, что я вся положительная, у меня всё отлично, у меня любящий муж, у меня ребёнок». На самом деле у неё ничего этого нет. Я, честно говоря, была просто в шоке. Человек приходит со своей проблемой, и заведомо вся эта помощь построена на обмане. Это в Москве.

А.Г. Асмолов

К сожалению, в любой жизни и в любой практике мы сталкиваемся с разного рода девиациями. Здесь вы тоже столкнулись с подобной девиацией. И, прежде всего, думаю, что психологи всегда готовы поработать с таким человеком. Безусловно. Пожалуйста.

Л. Виноградов, «Милосердие. ru»

Юрий Петрович, сертификация – это всё, конечно, замечательно. Но, подумайте, куда денутся все эти предлагаемые услуги шарлатанов, быстрые трёхмесячные, девятимесячные курсы? Они же останутся. И народ, который не знает о том, что сейчас здесь происходит съезд Российского психологического сообщества, по-прежнему будет идти туда. Как с этим быть?

Ю.П. Зинченко

Коллеги, проблема совместно решается, только мы прекрасно понимаем, что не бывает так, что вчера мы приняли какие-то решения, сегодня проснулись и вдруг страна по-другому зажила. Так действительно не бывает, ну разве что только после президентских выборов. Это совместная работа с одной стороны психологов, т. е. мы осуществляем эту внутрикорпоративную деятельность создания прозрачных сайтов и доступной информации о том, кто есть психолог, а кто не входит в эту корпорацию. Поэтому это ваш выбор. Либо я иду к тем, кто умеет квалифицированно оказывать

помощь, либо я иду к кому-то, кто не умеет. Поэтому проблема выбора – сугубо на потребителя, которому она нужна. И второй момент – это СМИ. Ведь, простите, «Битва экстрасенсов» – это же не психологи проводят. И понятно, что там есть элемент театрализации. Поэтому это вопрос ещё и нашей общей психологической культуры в школе, в обществе и в управленческих структурах. Пусть у вас не создаётся впечатление, что мы не понимаем о том, что происходит на Болотной площади, ещё где-то. То есть мы здесь сидим, а выйдешь на улицу, и за стенами всё по-другому. На самом деле, психологи это прекрасно понимают. И сама психология сейчас находится, наверное, в ситуации ядерной физики где-нибудь в 30-х гг. прошлого века, когда возможность технологии подошла к тому, когда теоретическая физика могла создавать уже некие осязаемые и осязаемые вещи в виде ядерных источников энергии с одной стороны, а с другой стороны, в виде ядерного оружия. Сейчас все технологии вокруг: и Интернет, и СМИ, и информационные технологии, – подошли к той возможности, когда академическая университетская теоретическая психология становится реальным оружием. Все революции в Северной Африке, всё, что происходит сейчас в мире – это фактически психологическое оружие, которое бескровно лишает нас управления. Не надо взрывать бомбу, достаточно пустить через блог что-то. Не надо убивать большое количество людей, достаточно пустить какой-то мифологически построенный конструкт, который прекрасно встраивается. И я становлюсь его частью, указываю на площадь, выхожу на улицу, дальше даже участвую в чём-то. Всё завязывается на том вопросе, который был задан, может быть и несколько поверхностно. Атеисты – не атеисты, верующие – не верующие. Вопрос же не в этом, а вопрос в том, какую систему ценностей я принимаю. Какая система ценностей внутри меня? Раньше в течение семидесяти лет государство заявляло, что есть моральный кодекс, он может быть коррелирован с чем-то из Библии. Были и такие интерпретации. Но вопрос этого выбора «атеист – не атеист» больше связан именно с тем, что сейчас со стороны государства нет того посыла и нет той системы ценностей, которые я готов принять в себя и каждый день с ними жить. Когда мы говорим об этой теме, мы говорим об американской мечте, ещё о чем-то, но русской мечты, которая принята большей частью общества, пока не предложено. Поэтому вопрос «атеизм – не атеизм» несколько выше. Он вообще о системе ценностей. И если православие мне даёт ту систему ценностей, которая мне близка, которую я принимаю, то православие занимает аксиологическую нишу внутри меня и является главным вектором моей духовной жизни. Поэтому сейчас наша задача, и психологов, и журналистов, и самого общества – проработать эту аксиологическую надстройку, т. е. систему ценностей, которая была бы близка большинству населения нашей России. Всегда же в России было две партии: одна, которая обладала центростремительными силами, а другая – центробежными, как бы они не назывались. В тот или иной период кто-то был впереди, кто-то был позади. Эти периоды и эти настроения мы переживаем сейчас в России. Поэтому необходимо осознавать, где это наш выбор, а где это результат чьей-то манипуляцией надо мной. Рефлексия этого является важным моментом в вопросе о том, сколько у нас атеистов.

Л. Виноградов, «Милосердие. ru»

Ни разу не слышал ни одного аргументированного примера об атеистах. Ни разу не слышал о том, что где-то ими сманипулировали, что-то навязали. К сожалению,

время показывает, что после 70-ти лет атеизма как раз именно атеисты чаще становятся не готовыми к диалогу.

Ю.П. Зинченко

Но это вопрос о толерантности, поэтому у нас есть много поводов и возможностей для совместной работы, как у психологов, так и у журналистов. Потому что только через вас мы можем вместе поднять нашу общую психологическую грамотность, общую психологическую культуру, без навязывания, постепенно, и доверяя друг другу в этом смысле более глубоко, широко.

Л.А. Цветкова

Я внесу более оптимистичные статистические данные по поводу психологической грамотности населения за последние 10 лет. Мы проводили изучение на северо-западе. Если 10 лет назад примерно 13 % людей знали о существовании профессионального сообщества и могли отличить психолога от психотерапевта и психоаналитика в соответствии с особенностями профессиональной деятельности, то данные этого года – уже 30 %. Мне кажется, что, в принципе, в связи с этим повышается психологическая грамотность населения. И это как раз взаимные усилия профессионального сообщества и журналистов, которые могут помогать нам, всем людям, всем вместе повышать эту грамотность. Вы говорите, что от того, что мы приняли закон о сертификации, ничего не меняется. Вы говорите, что ничего за этим не стоит. Да, не стоит, если людям не объяснять, куда и вам, и нам можно обращаться. Вы хотите к магу и целителю? Вам туда. Если Вы к профессиональному психологу – Вам туда.

В.В. Рубцов

Лариса Александровна, я хочу Вас поддержать. Данные по Москве: за последние три года в разы возросло обращение родителей по отношению их детей. Причем, если раньше это было в основном по дошкольникам и младшим школьникам, то сейчас по подросткам. Подростки сами обращаются. У нас есть сайт, который называется «Детский психолог». На этот сайт заходят до пяти тысяч человек. Понимаете, это серьезная цифра. Она увеличивается. Вот сейчас в связи с событиями, которые были связаны с суицидами, на телефоны доверия в разы возрастают обращения самих подростков. То есть возрастает психологическая грамотность населения. Это очень хороший результат работы психологического сообщества.

Л.А. Цветкова

Но, к сожалению, это всё-таки данные по Москве, северо-западу и Санкт-Петербургу.

А.Г. Асмолов

Дорогие коллеги! Мы завершаем наше с Вами общение. У нас нет сомнений, что нынешний XXI в. не случайно многими называется «веком человека», а мы иногда называем его «веком психологии» как ведущей науки о человеке. Это не наша мания величия. Это наша мечта. И говоря это, мы понимаем, что тем самым на нас, на психологах, на тех, кто собрались на наш пятый съезд, возложена очень большая ответственность за то, что происходит с личностью в этом мире, в построении сценариев в обществе риска. Спасибо Вам огромное!